
Екатерина Тарасова
Дождь, изменивший всё

Екатерина Тарасова

Дождь, изменивший всё

https://litres.ru/74866347
SelfPub; 2026

Аннотация

«Дождь, изменивший всё» — это история о том, что свет не умирает. Он просто уходит, чтобы вернуться. И о том, что самая надежная магия в мире — это рука, которая держит твою, когда мир вокруг рассыпается в пепел.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Екатерина Тарасова
Дождь, изменивший всё

Глава 1

Утро выдалось на редкость солнечным — будто само небо решило устроить бунт против привычной серости Сеула. Яркие лучи не просто пробивались сквозь тонкую ткань штор — они врывались в комнату, как незваные, но упрямые гости, настойчиво ложились тёплыми полосами на пол и тыкались в закрытые веки Ми Ён, требуя внимания.

Ми Ён недовольно поморщилась, натянула одеяло чуть выше, надеясь спрятаться от этого чересчур бодрого света, но солнце не собиралось сдаваться. Просыпаться совсем не хотелось: её любимое утреннее счастье — выспаться, растянуться под одеялом и никуда не спешить. А тут снова надо было собираться на работу, где вечно всё горит, сроки поджимают, и каждый день похож на бег с препятствиями, где приз — ещё один серый вечер в пустой квартире.

Наконец сдавшись, она сладко потянулась всем телом, прогоняя остатки сна, и медленно сползла с кровати. Всё ещё плывущая от дремоты, Ми Ён побрела в ванную, ступая по прохладному полу и потирая глаза, словно пыталась стереть с себя эту утреннюю вялость. Под струями тёплой воды

сон понемногу отступал, уступая место будничной реальности — той самой, что пахла не мятой и сырой землёй, а кондиционером и антисептиком.

На кухне её ждал привычный ритуал — приготовить рамён. Готовить она умела и даже любила, и обычно этот процесс приносил ей тихое удовольствие: точно отмерить специи, поймать тот самый момент, когда бульон становится идеально насыщенным… Но сегодня настроение не желало быть уютным. Движения были чуть резче, чем обычно, а мысли крутились вокруг предстоящего дня, который уже заранее казался утомительным.

Пока вода в кастрюле нагревалась, Ми Ён машинально вытерла после сна чашку — и пальцы сами собой начали отстукивать по её краю знакомый ритм, а горло, опередив сознание, тихонько подхватило. Мелодия была простой, чуть покачивающейся, как колыбель под скрипучей крышей. Она поймала себя на второй ноте и осеклась, оглянувшись на дверь — хотя кроме неё и пары кухонных шкафов дома никого не было.

Она не знала этой песни. Не слышала её ни по радио, ни в кино, ни от мамы. В детстве, лет в восемь, она попросила маму найти эту песню — та перепробовала всё, что было дома, а потом махнула рукой: «Тебе приснилось, дочка». Но сны не живут столько лет. С тех пор Ми Ён напевала её только там, где была уверена, что никто не слышит, — и всё равно каждый раз краснела, будто её поймали за чем-то неприлич-

ным. Странно было и другое: эта мелодия была её способом успокоиться. Когда день трещал по швам, она ловила себя на том, что напевает её даже на работе, — и тут же давилась звоном ключей или чужим кашлем в соседнем коридоре.

И всё же, когда тарелка с горячим рамёном оказалась перед ней, аромат мгновенно сделал своё дело: первый глоток будто вернул немного сил, а привычная еда согрела не только желудок, но и немного душу. Мелодия, с которой она сбилась, дотянулась в голове до конца уже без звука — и на этот раз ей показалось, что в её покачивании есть что-то тёплое, почти родное. Как будто кто-то когда-то напевал её ей самой.

Вернувшись в комнату, Ми Ён окинула взглядом шкаф, где вещи привычно ждали своего часа. Сегодня не хотелось ничего сложного, никаких долгих раздумий над сочетаниями. Взгляд сам собой зацепился за мягкий серый худи — такой уютный, будто специально создан для дней, когда хочется спрятаться от суеты. К нему в пару легли любимые джинсы, а на ноги — кроссовки, в которых можно и бежать, если день снова потребует скорости, и просто спокойно шагать по городу. Пять минут — и образ готов: простой, удобный, безопасный.

Закончив с одеванием, Ми Ён подошла к зеркалу и взялась за расчёску. Её вечно взлохмаченные волосы, как назло, не хотели укладываться в послушную причёску — вместо этого они рассыпались упрямыми кудрями, которые, если посмотреть непредвзято, складывались в прекрасные, жи-

вые локоны. Но самой Ми Ён они никак не нравились: казалось, что из-за них она выглядит слишком растрёпанной, будто только что проснулась — а ведь она так старалась собраться! Изменить причёску хотелось давно, но каждый раз, когда она представляла себе что-то радикально новое, смелость куда-то утекала.

«Может, потом, — подумала она, в очередной раз безуспешно пытаясь пригладить непокорную прядь. — Когда день будет не таким суетливым».

В зеркале на неё смотрела всё та же Ми Ён: чуть сонная, но уже собранная, в уютном сером худи, с этими самыми кудрями, которые никак не желали подчиняться. В её карих глазах читалась лёгкая усталость от утренней гонки, но где-то в глубине всё равно пряталась привычная искорка — та самая, которая помогала не опускать руки даже в самые загруженные дни. Она чуть улыбнулась своему отражению, словно говоря: «Ну что ж, день начался. Поехали».

Выйдя на лестничную площадку, Ми Ён закрыла квартиру на замок и спустилась вниз. На улице воздух был свежим, и первые минуты ей даже нравилось это ощущение — будто город только просыпается вместе с ней. Она ускорила шаг, направляясь к остановке, где всегда ждала автобус, чтобы поехать на работу.

Но не успела она пройти и половины пути, как небо неожиданно потемнело, а потом с него хлынул дождь — крупный, внезапный, будто кто-то резко опрокинул над го-

родом ведро воды. Ми Ён замерла на мгновение, удивлённо глядя на стремительно темнеющую улицу, и почувствовала, как капли уже скользят по капюшону и оседают на волосах, превращая упрямые локоны в ещё более плотные завитки.

«Ну вот, только этого не хватало!» — пронеслось у неё в голове. Но вместо того чтобы растеряться, она натянула капюшон поглубже, плотнее запахнула худи и решительно шагнула вперёд. Дождь барабанил по асфальту, город мгновенно стал мокрым и блестящим, а привычный маршрут вдруг заиграл новыми красками. Лужи отражали серое небо, витрины магазинов мерцали, как мокрые драгоценности, а воздух пах чем-то новым — будто сама погода решила: «Хватит медлить, пора двигаться!»

У остановки, прижавшись к козырьку, она машинально качнула головой в такт каплям, стекавшим с края козырька, — и снова поймала себя на том, что беззвучно напевает ту самую мелодию. На этот раз в такт дождю. Ми Ён прикусила губу: дождь отбивал ритм, подозрительно похожий на её песню, будто сам подсказывал продолжение. Она даже прислушалась — но капли, как назло, тут же сбились и застучали вразнобой.

Ми Ён чуть ускорилась, стараясь не промочить кроссовки, и подумала, что, возможно, этот дождливый день окажется не таким уж плохим — просто другим. И в этой мысли мелькнуло что-то едва уловимое — не надежда даже, а предчувствие: будто за следующим поворотом её ждёт не просто

ещё один день в «ФармаГен», а что-то, что наконец-то позволит её рукам снова коснуться земли, а носу — вдохнуть запах трав.

Что это будет — она не знала. Но в груди вдруг стало тесно от странного, почти забытого чувства: предвкушения.

Глава 2

Неожиданно её взгляд устремился на одну из луж, по которой с весёлым визгом и брызгами пробегали дети, спешащие в школу. Их рюкзаки подпрыгивали на спинах, а мокрые следы тянулись за ними длинной цепочкой. Ми Ён на секунду замерла, будто что-то в этой обыденной картине зацепило её взгляд. В мутной ряби лужи ей почудилось странное мерцание — будто на дне мелькнул крошечный огонёк, похожий на отблеск драгоценного камня. Она прищурилась, вглядываясь, но видение тут же растворилось, размытое очередным всплеском от детского ботинка.

"Наверное, мне показалось", — тихо сказала Ми Ён себе под нос, будто хотела убедить в этом не только мир вокруг, но и собственное чуть встревоженное воображение. Она встряхнула головой, отгоняя странные мысли, и продолжила путь, стараясь снова поймать привычный ритм шагов.

Уже в автобусе Ми Ён устроилась у окна, натянула наушники и включила любимый плейлист. Ритмичные мелодии привычно обволакивали, но сегодня вместо бодрости приносили только тягучую сонливость. Глаза сами собой слипались, город за стеклом расплывался в серые и цветные пятна, а мысли становились всё легче и невесомее. Она даже не заметила, как автобус плавно проехал её привычную остановку — ту самую, где всегда толпились люди и пахло свежей

выпечкой из соседней пекарни.

Когда Ми Ён наконец очнулась и вышла на улицу, до неё не сразу дошло, что место незнакомое. Она огляделась, пытаясь отыскать хоть что-то знакомое: вывеску, поворот, скамейку у подъезда — но всё было чужим. Ни привычной остановки, ни киоска с газетами, ни даже того самого дерева с облупившейся краской на стволе. Сердце ёкнуло, и в голове моментально пронеслось: "Где я?" Времени уже практически не было — видимо, сегодня её снова будет ждать выговор от начальника, а она даже не представляла, как быстро отсюда выбраться.

Пытаясь унять нарастающую тревогу, Ми Ён решила зайти в ближайшую кофейню и выпить свой любимый латте — пусть хоть чашка тёплого кофе немного вернёт ей чувство опоры. Дверь звякнула колокольчиком, и она шагнула внутрь, ожидая увидеть привычные деревянные столики, стойку бариста и запах свежемолотого кофе. Но вместо этого перед ней оказался совсем другой мир.

Это был небольшой магазинчик всякой всячины — уютный, но до краёв набитый вещами, будто кто-то собрал в одном месте целую коллекцию маленьких чудес. На полках теснились резные шкатулки, стеклянные шары с крошечными пейзажами внутри, старые открытки, медные безделушки и связки сушёных трав. В воздухе витал пряный аромат корицы и чего-то ещё, едва уловимого, словно запах далёких странствий. Тёплый свет ламп смешивался с отблесками све-

чей, расставленных тут и там, и создавал ощущение, будто время в этом месте течёт чуть медленнее.

Ми Ён невольно замедлила шаг, оглядываясь по сторонам. Её взгляд тут же притянули необычные украшения на отдельной витрине: подвески из тёмного камня с вкраплениями золота, браслеты из переплетённых нитей с крошечными бусинами, кольца с загадочными узорами. С детства она обожала такие вещи — в них всегда казалось спрятанным какое-то маленькое волшебство. И сейчас это чувство вернулось, накрыв её тёплой волной: ей хотелось трогать, рассматривать, узнавать истории каждой безделушки. Это происходило само собой, будто её что-то манило к ним, звало подойти ближе.

Она осторожно наклонилась, чтобы разглядеть кулон в центре витрины — тонкий, с камнем глубокого янтарного оттенка. И вдруг он неожиданно засверкал, будто внутри него вспыхнул крошечный огонёк. Ми Ён даже отступила на полшага, не веря своим глазам.

"Мне это показалось или нет?" — пронеслось у неё в голове, и сердце забилось чуть быстрее.— Этот кулон выбрал тебя! — неожиданно услышала она приятный женский голос, мягкий, словно шёлковая лента.

Ми Ён резко огляделась, но в магазине никого не было видно — ни за полками, ни у кассы. Только тени от свечей плясали по стенам, делая пространство ещё более загадочным. Чуть позже из-за стеллажа с книгами появилась незна-

комая женщина — невысокая, с лёгкой улыбкой и внимательными глазами. На ней было простое платье с мелким цветочным узором, а в волосах — тонкая лента, будто из старинной шкатулки.— Что-нибудь понравилось? Желаете приобрести? — добродушно спросила она, подходя ближе. Голос у неё был спокойный, располагающий, и тревога Ми Ён слегка отступила.— Нет, спасибо… Это, наверное, дорого стоит, — сказала Ми Ён, хотя в глубине души ей очень хотелось взять этот кулон и почувствовать его тепло в ладони. Она неловко улыбнулась, будто извиняясь за свою нерешительность.

Девушка направилась к выходу, стараясь не оглядываться, чтобы не поддаться соблазну. Но как только она сделала шаг к двери, в кофейне стало неожиданно темно — только свечи продолжали гореть, отбрасывая длинные, живые тени на стены. И тут Ми Ён с холодным удивлением заметила, что её собственная тень пропала. Вместо неё на полу мерцали лишь слабые отсветы пламени, будто пространство решило не отражать её присутствие.

И тогда голос вернулся — тот самый, тихий и тёплый:— Он ждал именно тебя…

Ми Ён застыла на пороге, чувствуя, как воздух вокруг становится чуть гуще, а мир — немного шире, чем был минуту назад.

Ночью Ми Ён не спалось.Она лежала в темноте и смотрела, как в сумке, брошенной на стуле, тихо тлеет янтарное

пятно. Кулон светился — неярко, ровно, как тлеющий уголёк, — и от этого света в комнате было почему-то не страшно, а почти уютно, как от ночника."

Это ты говорил со мной? — подумала она, глядя на свечение. — В магазинчике. "Забери меня"… Это ведь был ты?"Кулон мигнул. Один раз.

Ми Ён села на кровати, и сердце её застучало быстрее — не от страха, от чего-то противоположного.

— Кто ты? — прошептала она вслух.Свет не дрогнул.

— Откуда ты? Что ждало во мне… кого ждало?Тишина. Свет продолжал гореть — терпеливо, тепло, — но на вопросы не отвечал. Ми Ён прислушалась к себе и с удивлением поняла, что не злится. Ей вспомнилось, как в детстве она спрашивала у соседской кошки, куда уходит её кот-бродяга, и кошка так же молча смотрела, а потом — терлась о её ноги.

— Ладно, — сказала она, пряча кулон под подушку. — Молчи. Только не гасни.Она засыпала, и последней мыслью было: "Зачем вообще спрашивать, если можно слушать?"

И амулет ответил. Но не словами.

Во сне она стояла на холодной глиняной земле. Ночь пахла дымом и мокрой листвой, над головой висели звёзды — крупные, низкие, не такие, как над Сеулом: их было больше, и они мерцали, как если бы небо дышало. Перед ней стоял низкий дом с поросшей мхом крышей, и из очага сквозь щели в ставнях сочился тёплый свет.

Ми Ён не могла пошевелиться — не потому, что держали,

а потому, что боялась спугнуть. Всё это было одновременно незнакомым и своим до боли.

Внутри дома кто-то сидел у котла. Она видела спину — женщину или девушку, — склонившуюся над кипящей водой. Палец в руке помешивал варево медленно, из стороны в сторону, и от каждого круга по двору раскатывался запах: горький шалфей, сушёная полынь и — тоньше всего — мята, свежая, полевая, та самая, что растёт на рассвете, пока на листьях держится роса.

— Не торопись, — сказал кто-то рядом.Голос был молодой, мальчишеский. Ми Ён повернула голову — но рядом никого не было. Только тень в углу двора, которая шевельнулась и затаилась.

— Трава не спорит, когда её торопят, — сказал голос снова, и теперь Ми Ён узнала в нём женский, мягкий, чуть насмешливый. — Она просто молчит.

И тут же — чужой смех. Тихий, сдавленный, зажатый в кулаке, как будто кто-то смеялся, прикрывая рот ладонью, чтобы не разбудить дом. Ми Ён никогда не слышала этого смеха. И всё-таки у неё свело под ложечкой — так сводит, когда в чужом городе вдруг узнаёшь родной двор.

Она проснулась с мокрыми от слёз ресницами и с тем, что рука её сжимала подушку там, где только что держала… она не знала, что. Пустоту. Но пальцы были сведены судорогой, как будто они долго держали что-то тёплое и тяжёлое — мешок? Корзинку?

На подоконнике за окном начинался серый понедельник. А в комнате ещё час держался запах мяты — тот самый, которого в её квартире на сорок пятом этаже быть не могло.

Глава 3

Сто лет для человека — целая жизнь: в ней умещается детство, первая влюблённость, зрелость, тихие вечера и долгая память. Для бессмертного кумихо эти сто лет были не жизнью, а затянувшимся, мучительным утром, когда рассвет никак не может перерасти в день, а тень всё ползёт и ползёт по полу, не желая укорачиваться.

Мин Тянь жил внутри невидимой стены проклятия, и эта граница была тоньше дыхания, но крепче стали. Она не звякала цепями и не скрипела железом — она просто существовала, как нерушимый закон мира, который нельзя ни обойти, ни оспорить. Старый двор, когдато полный смеха и шагов Рё Гу, стал его единственной вселенной. Он знал здесь каждую дощечку: помнил, как в юности Рё Гу споткнулась о ту самую, чуть приподнятую у порога, и рассмеялся, прикрывая смущение ладонью, а потом, будто оправдываясь, сказал: «Эта доска всегда меня поджидает!» Мин Тянь помнил каждую трещину на глиняной черепице — и как в дождливые дни вода сочилась сквозь них тонкими серебряными нитями, стекая по балкам, будто слёзы дома. Он мог бы нарисовать этот двор с закрытыми глазами, до последнего сучка, до последней щербинки, и каждый штрих отзывался в груди глухой, ноющей болью.

Без Рё Гу тишина стала тяжёлой. Она не была мирной —

она давила, как влажный туман, который не рассеивается ни к полудню, ни к закату, пробираясь под кожу и оседая в костях. Мин Тянь привык ловить в каждом шорохе знакомый голос: скрипнула дверь — и ему казалось, что сейчас изза угла выйдет Рё Гу с чашкой чая, улыбаясь так, будто знает какойто очень хороший секрет. Однажды он даже замер, услышав, как ветер шевельнул сухие листья у порога — точно так же шуршали сандалии Рё Гу, когда та торопилась рассказать какуюнибудь нелепую, но бесконечно дорогую сердцу историю. Но никто не выходил. И тогда тишина становилась ещё гуще, словно сама пустота хотела напомнить: он здесь один.

Время тянулось, как смола, застывающая капля за каплей, и каждая капля запечатывала ещё один миг, ещё одно воспоминание, ещё одну надежду. Дни сливались в бесконечную череду рассветов и закатов, и каждый из них был похож на предыдущий, как две капли воды, но при этом каждый рассвет казался чуть бледнее, а каждый закат — чуть холоднее. Мин Тянь пытался найти себе занятие: перебирал старые вещи, чинил то, что уже не нуждалось в починке, сажал цветы, которые всё равно не успевали расцвести, прежде чем их заглушали сорняки. Однажды он посадил куст хризантем — тех самых, что Рё Гу любила ставить в простую глиняную вазу у окна. Мин Тянь ухаживал за ними с почти болезненной тщательностью, поливал ровно в тот час, когда Рё Гу обычно выходила во двор, чтобы проверить, не распустился ли хоть один бутон. Но цветы росли медленно, будто тоже чувство-

вали эту тишину и боялись нарушить её своим цветением.

Его страдания были не кричащими — они были тихими, как тень, которая ложится на сердце и не уходит. Он страдал от невозможности выйти за пределы двора, от того, что мир менялся, а он оставался на месте, как забытый предмет в старом шкафу, покрытый слоем пыли, который никто не решается стряхнуть. Он страдал от воспоминаний, которые были одновременно самыми дорогими и самыми острыми: каждое из них ранило, потому что напоминало о том, чего больше нет. Иногда он ловил себя на том, что шепчет вслух фразы, которые когдато говорила Рё Гу, просто чтобы услышать хоть какойто голос в этой звенящей тишине. И голос, отразившись от старых стен, звучал странно — будто принадлежал не ей, а комуто другому, тому, кто жил здесь сто лет назад и ещё не знал, что такое настоящее одиночество.

Но тяжелее всего было не само заточение — тяжелее было чувство, что он теряет связь с тем, что когдато делало его живым. Пальцы иногда сами тянулись к старой деревянной шкатулке, где хранились вещи Рё Гу: потёртый шёлковый платок, маленькая резная фигурка лисы, выточенная из тёмного дерева, и письмо, написанное неровным, торопливым почерком. Мин Тянь не перечитывал письмо — боялся, что чернила, и без того поблёкшие от времени, совсем исчезнут под его взглядом. Вместо этого он просто держал листок в руках, вдыхая едва уловимый запах сандалового дерева и трав, который, казалось, ещё цеплялся за бумагу, словно от-

казывался уходить вслед за своим хозяином.

Старый двор, с его досками, черепицей и тенями прошлого, оставался единственным свидетельством того, что Рё Гу действительно существовала, что всё это не было сном. И в этом была его тихая, упрямая надежда: пока он помнит, пока знает каждую трещину и каждый сучок, Рё Гу не исчезла окончательно. Пока он может услышать в шелесте листьев знакомый смех, пока может почувствовать на пальцах шероховатость старой доски, о которую когдато споткнулась его подруга, Рё Гу всё ещё здесь — в этих стенах, в этих тенях, в этом бесконечном, застывшем утре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.